DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.043
УДК 94(47)“1917.10.25” + 329.14 + 316.343-058.14 + 316.323.72

А. В. Антошин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОКТЯБРЯ 1917 г. В ВОСПРИЯТИИ ДЕЯТЕЛЕЙ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ*

Статья посвящена идейному наследию послеоктябрьского меньшевизма. Цель данной статьи — проанализировать восприятие деятелями меньшевистской социал-демократии социальных процессов в Советской России в 1917–1922 гг. В основе методологических установок автора данной статьи лежат подходы, характерные для «новой социальной истории». Источниками для написания статьи послужили материалы многотомной серии документов по истории меньшевизма, подготовленной в 1990–2000-е гг. международной рабочей группой во главе с З. Галили и А. П. Ненароковым. Кроме того, использованы некоторые личные письма меньшевиков, которые хранятся в Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США). На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что именно меньшевики одними из первых заметили и проанализировали специфику того общества, которое формировалось в Советской России. Их работы и личные письма отличались глубоким анализом тех процессов, которые протекали внутри российского рабочего класса, они высказывали интересные идеи, касающиеся трансформации ценностных и психологических установок русской интеллигенции. На страницах произведений российских социал-демократов проступали контуры формирования нового советского человека с его специфической психологией и моделями поведения. Уже к началу 1920-х гг. меньшевиками был сделан вывод о том, что демократической оппозиции будет крайне трудно работать в условиях формирующегося советского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: меньшевики; Октябрь 1917 г.; советское общество; пролетариат; советский человек.

Вопрос о социалистической небольшевистской альтернативе в русской революции неизбежно затрагивается почти в любой работе, посвященной событиям 1917 г. При этом достаточно давно исследователи пришли к выводу о том, что, в частности, послеоктябрьский меньшевизм интересен прежде всего глубиной проведенного его представителями анализа процессов, протекавших внутри советского общества. Как метко пишет известный венгерский историк Т. Краус, «у меньшевиков не было адекватных политических ответов, но были

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

© Антошин А. В., 2017

адекватные вопросы и адекватный анализ» [Краус, с. 43]. Одними из первых российские социал-демократы заметили и проанализировали и феномен трансформации российского рабочего класса в 1917–1921 гг., и изменение психологии русской интеллигенции, и формирование новой советской экономической и политической элиты. Именно на страницах работ лидеров российской социал-демократии уже в годы Гражданской войны и в начале НЭПа проступали контуры формирующегося нового общества и его социальных групп. Поэтому обращение к этим работам, так же, как и к личной переписке видных деятелей меньшевизма, представляет значительный интерес для исследователя.

Как известно, в советской историографии при характеристике феномена послеоктябрьского меньшевизма доминировал обличительный подход [Непролетарские партии России; Подболотов, Спирин]. Немалый вклад в осмысление истории российской социал-демократии внесли зарубежные ученые [Brovkin; Liebich; The Mensheviks]. Нельзя не отметить проведенную в 1990–2000-е гг. работу международной исследовательской группы по изданию документов, посвященных истории меньшевизма. Огромный вклад в осуществление этого многотомного проекта внесли российский историк А. П. Ненароков и израильская исследовательница З. Галили. Опираясь на результаты этого проекта, современные исследователи имеют возможность проанализировать различные проблемы истории меньшевизма, в том числе и восприятие его лидерами вопроса о формировании нового общества и человека в условиях Советской России.

Для понимания того, как начиналось формирование специфики психологии советского человека, важным является вопрос о социальной базе событий Октября 1917 г., о том, какие силы привели большевиков к власти. В первые месяцы советской власти среди меньшевиков была весьма популярна идея о том, что ключевой опорой нового режима были солдаты. Об этом много говорилось на Чрезвычайном съезде РСДРП, прошедшем в ноябре-декабре 1917 г. Так, Н. А. Рожков (впоследствии — один из основателей Уральского университета) назвал события Октября 1917 г. «революцией солдат». По его мнению, именно это обстоятельство обусловило не только «размах» этих событий, но и «глубину социального захвата» [Меньшевики в 1917 г., с. 396]

При этом оформившееся в 1917 г. в РСДРП правое крыло, возглавляемое А. Н. Потресовым, полагало, что солдатские массы отличались традиционализмом мышления. Их склонность к насилию и силовым методам решения социально-политических проблем и привели к тому, что в результате октябрьских событий были ликвидированы демократические институты, возникшие после Февральской революции. Поэтому известный правый меньшевик А. Э. Дюбуа и оценивал захват власти большевиками как «солдатский бунт против Революции» [Там же, с. 394]. При этом важным было замечание другого известного правого меньшевика, М. И. Либера, о том, что некорректен господствовавший в 1917 г. взгляд на солдат как на отдельную социальную группу. На практике это было «случайное единство, созданное войной» [Там же, с. 378]. Однако

начавшаяся после Октября 1917 г. Гражданская война привела к тому, что милитаристские тенденции в общественной жизни и психологии масс не только не исчезли, но даже усилились.

Лидеры правого крыла меньшевизма наиболее четко отмечали также тенденции к архаизации российского социума, проявившиеся после взятия власти большевиками. Даже социальные опоры нового режима, по мнению правых меньшевиков, поразительно напоминали режим русских царей. «Новое самодержавие Ленина, — подчеркивал известный правый меньшевик Ст. Иванович, — держится на том же невежестве, той же забитости верных ему групп солдат и рабочих» [Меньшевики в 1917 г., с. 290]. «В этом перевороте гораздо больше не Европы, а Азии», — очень емко высказался по поводу событий Октября 1917 г. А. Н. Потресов на Чрезвычайном съезде РСДРП [Там же, с. 389].

Заметим, что даже некоторые представители левоцентристского руководства РСДРП, пришедшего к власти на Чрезвычайном съезде, признавали: значительная роль солдат в этих событиях оказывала влияние на формирование политической элиты нового режима, ее ценностные и психологические установки. Ф. И. Дан, например, оценивая Октябрь 1917 г., писал о «деклассированном характере» этих событий. В письме П. Б. Аксельроду в январе 1918 г. он заметит: «Под видом диктатуры пролетариата царит диктатура люмпенов в солдатских шинелях» [Меньшевики в 1918 г., с. 109].

За солдатами, по мнению меньшевиков, в Октябре 1917 г. пошли и многие рабочие, особенно молодежь. Как отмечалось в обращении Чрезвычайного съезда «Ко всему Интернационалу», большевики «развращали» души молодых рабочих-красногвардейцев, поручая им «грязные полицейские и шпионские функции и делая их орудием тирании» [Меньшевики в 1917 г., с. 506]. При этом Ф. И. Дан в письме П. Б. Аксельроду в декабре 1917 г. указывал на то, что Красная гвардия представляла собой не «вольные рабочие дружины», а оплачиваемые («до 30 рублей в день!») банды вооруженной рабочей молодежи, к которым примыкали обычные хулиганы. Именно это вело к тому, что в рабочих кварталах к концу 1917 г. царила атмосфера запуганности, «как в худшие времена самой жестокой реакции» [Там же, с. 533]. А к февралю 1918 г. теоретический орган РСДРП журнал «Рабочий Интернационал» фиксировал «растворение» пролетариата в «бунтарской стихии деклассированных солдатско-крестьянских масс» [Меньшевики в 1918 г., с. 223].

Как известно, Первая мировая война нанесла серьезный удар по российскому рабочему классу. Немалый вклад в осмысление этой проблемы внес известный уральский историк М. А. Фельдман. В его работах показано, что призывы в армию, приход на производство большого количества недавних выходцев из деревни вели к резкому уменьшению слоя потомственных пролетариев, имевших специфическую психологию [Фельдман, с. 97]. Как полагали меньшевики, провозглашение большевиками рабочего контроля на производстве являлось новым фактором, разрушавшим прежний российский пролетариат. В докладе И. М. Майского на Чрезвычайном съезде РСДРП отмечалось, что рабочий

контроль раскалывал пролетариат на конкурирующие группы, вел к столкновению чернорабочих с другими категориями [Меньшевики в 1917 г., с. 484]. Уже к январю 1918 г. можно было говорить о том, что прогнозы И. М. Майского начинают сбываться. На Московской областной конференции РСДРП Центральной области отмечалось разрушение «классовых организаций пролетариата», нацеленность рабочих на так называемые «непосредственные захваты» заводского имущества [Меньшевики в 1918 г., с. 147]. Бесспорно, этому способствовали и те условия, в которых жили российские рабочие в 1917–1918 гг. Сокращение производства, продовольственные трудности вели к тому, что многие рабочие оказывались на грани физического выживания. На упомянутой выше январской 1918 г. конференции организаций РСДРП Центральной области делегаты из разных мест рисовали картины отчаянного положения, в котором оказались российские пролетарии. Представитель Тулы, например, рассказывал: «Безработица усиливается... Топлива нет... Живем тем, что захватываем вагоны с хлебом, идущие в столицы» [Там же, с. 154].

При этом представление о том, что большевистский режим отражал настроения большинства пролетариата, отстаивалось руководством меньшевиков еще очень долго. Весной 1918 г. меньшевистская газета «Новый луч» подчеркивала, что именно в этом и состояла «исключительная зловредность» режима Ленина: «мелкобуржуазная диктатура над рабочим классом осуществляется не через посредство людей, вышедших из другой социальной среды, а через посредство рабочих же» [Там же, с. 333]. Именно поэтому руководство меньшевистской партии и полагало бессмысленной вооруженную борьбу против большевизма: надо, чтобы пролетариат сам «разделался с максималистскими и анархистскими иллюзиями» [Там же, с. 165].

По мнению меньшевиков, к середине 1918 г. уже можно было говорить о начале отхода рабочих от большевиков. Этот процесс происходил в условиях ухудшения экономической ситуации, обострения продовольственных трудностей в городах, что создавало крайне тяжелую атмосферу в рабочих коллективах. «Голод, безработица, атмосфера бесправия, общая разруха порождают все больше и больше раздражение, озлобление и ненависть к тем, кто так много сулил», — заявлялось на Пленуме РСДРП Центральной области в мае 1918 г. [Там же, с. 436]. При этом сами лидеры РСДРП прекрасно понимали, что этот процесс носил крайне сложный характер, происходил крайне болезненно и медленно, а главное, не означал того, что от большевизма рабочие последовательно перешли на демократические позиции. Достаточно корректно, думается, охарактеризовал эту тенденцию известный правый меньшевик К. М. Ермолаев, который в июне 1918 г. писал П. Б. Аксельроду, что вначале пробужденные большевиками «эгоистические инстинкты» рабочих «жаждали удовлетворения». Рабочие верили в то, что их желания будут удовлетворены путем обещанного «додушения буржуазии». «И лишь когда рабочие увидели, что вместо этого додушения они получили додушение промышленности, а следовательно, и самого себя как класса наемных рабочих, они, оторопевши, остановились в своем

сочувствии большевикам» [Меньшевики в 1918 г., с. 556]. Однако, результатом этого был отнюдь не поворот пролетариата в сторону меньшевизма, как бы хотелось многим лидерам РСДРП. Сам К. М. Ермолаев справедливо отмечал, что на практике уже к лету 1918 г. можно было наблюдать апатию и разочарованность, царившие в рабочих коллективах. Господствующее настроение можно было выразить так: «А ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к черту со всей вашей политикой!» [Там же].

Впрочем, говоря о социальных опорах большевистского режима, некоторые меньшевики высказывали и весьма оригинальные концепции. Так, правый меньшевик И. Дементьев (Кубиков) оценивал большевизм как «движение радикальной деревенщины», которая во Франции XIX в. привела к власти Наполеона III. В связи с этим он еще в конце 1917 г. предрекал «замену олигархии монархией», поскольку, по его мнению, почва для «демократического цесаревича» была уже готова [Меньшевики в 1917 г., с. 518].

И здесь встает вопрос о той роли, которую меньшевики отводили в событиях Октября 1917 г. крестьянству. По мнению Ф. И. Дана, Первая мировая война обусловила «непропорционально большую» роль крестьянства в общественной жизни России [Меньшевики в 1918 г., с. 304]. Конечно, здесь сказывалось традиционно критическое отношение меньшевистского крыла российской социал-демократии к крестьянству и его революционному потенциалу. Неслучайно для А. Н. Иоффе, например, преобладание в России крестьянства естественно сочеталось с представлением о «малокультурности» страны к октябрю 1917 г. [Там же, с. 121]. Для Ф. И. Дана типичный крестьянин был «хозяйчиком», «мелким буржуа», отстаивающим «зубами и когтями свою собственность» [Там же, с. 195]. В то, что такой человек может стать опорой подлинно социалистических преобразований в России, лидеры меньшевиков не верили.

Мероприятия большевиков ускорили процесс перемещения «центра тяжести хозяйственной жизни» из города в деревню, и тон этому движению задавала «крестьянско-мещанская» Россия, полагал известный меньшевик И. А. Исув [Там же, с. 296]. Пожалуй, особенно глубоким был анализ этой проблемы, сделанный А. Н. Потресовым. Он подчеркивал, что в самих событиях Октября 1917 г. можно четко увидеть противостояние «низовой» деревенской и городской «барской» культуры. Этим, по его мнению, воспользовались «тайные» и «явные» монархисты и черносотенцы, которые стремились обратить этот «слепой бунт» против городской культуры в погромное движение, направленное против интеллигенции и инородцев [Меньшевики в 1917 г., с. 325]. В этом вопросе с ним во многом был солидарен и Ф. И. Дан, писавший о подчинении очагов европейской культуры в России «убогой деревне» [Меньшевики в 1918 г., с. 104].

Уже через год после взятия власти большевиками можно было говорить не только об исчезновении очагов «городской культуры», но и о процессе дезурбанизации в России. Значительная часть фабрик и заводов закрылась, уже к концу 1918 г. фиксировался массовый уход рабочих в деревню. Из меньшевистских лидеров наиболее емко об этом процессе выразился видный деятель Одесской

организации РСДРП В. М. Коробков: «Оторванный от своей экономической базы, пролетариат политически не существует. До тех пор, пока не задымятся фабрики и заводы, первого актера революции — пролетариата — на сцене ее не будет» [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 75]. К весне 1919 г., по мнению И. П. Гольденберга, можно было говорить о стремительном превращении России в «земледельческую страну с отсталым натуральным хозяйством» [Там же, с. 141].

В этих условиях большевики стремились создать себе социальную базу из некоторых ранее маргинальных групп фабрично-заводского населения России. Позднее Ю. О. Мартов отметит, что восстания в «белогвардейском» тылу зачастую устраивались массами «культурно-отсталых» пролетариев, чернорабочих. Многие из них шли добровольцами в Красную Армию. Это были те слои российского пролетариата, которые почти не участвовали в дореволюционном рабочем движении: «Их внезапно “раскачала” анархия первого периода большевистской революции и, разжегши в них впервые смутные классовые инстинкты, сделала “социально-активными”» [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 184]. В 1919–1920 гг. большевики активно использовали также потенциал таких групп, как женщины-работницы и рабочая молодежь. Почти полное исчезновение кадров потомственных рабочих в итоге привело к тому, что именно эти группы стали доминировать среди фабрично-заводского населения Советской России. Неслучайно М. А. Фельдман позднее напишет о «феминизации и омоложении трудовых коллективов», которые произошли к началу 1920-х гг. [Фельдман, с. 97]. Женщины-работницы, как указывал Ю. О. Мартов в письме П. Б. Аксельроду, втягивались в политику «средствами государственного механизма» (организация властью разнообразных курсов, культурно-просветительских учреждений и т. д.). Что же касается рабочей молодежи, то даже оппонент партии В. И. Ленина вынужден был отметить, что большевики «очень много возятся с молодежью»: «Частью они ее развращают ужасно, но частью наполняют элементарным энтузиазмом и фанатизмом» [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 184].

Наряду с политикой террора, проводимой большевиками по отношению к своим оппонентам, эти процессы оказывали решающее влияние на формирование социокультурного и морально-психологического типа нового советского человека. Лидеры меньшевиков, которые вели многолетнюю борьбу против правительства еще в условиях Российской империи, с тревогой фиксировали, что в новых условиях оппозиционная деятельность становится практически невозможна. Иным стало российское общество, изменились люди. Уже к осени 1918 г. начинала формироваться та специфика советского общества, о которой затем в течение многих лет будут писать западные советологи и отечественные диссиденты. В октябре 1918 г. Ю. О. Мартов указывал в письме А. Н. Штейну:

> В отличие от царистских времен, нельзя даже «уйти в подполье» для сколько-нибудь плодотворной работы, ибо теперь уже не только жандармы, дворники и прочие следят за «неблагонадежностью», но и часть самих обывателей (коммунисты

и причастные к советской власти) видят в доносе, сыске и слежке не только доброе дело, но и выполнение высшего долга [Меньшевики в 1918 г., с. 644].

В условиях революции и Гражданской войны кардинально менялись нравственные и психологические установки российской интеллигенции – традиционной опоры демократических сил. Пройдя, по выражению известного меньшевика Д. Ю. Далина, через «революционную мясорубку», типичный российский интеллигент серьезно изменился. Условия жизни, тяжелейшие испытания, которые довелось пережить этому человеку, кардинально меняли его ценностные ориентиры. Д. Ю. Далин писал:

> Он голоден, как всегда был голоден интеллигент, но теперь он о голоде не забывает ни на минуту... И он вдруг почувствовал, как хорошо и приятно быть богатым... Он считает копейки, но уже не с ненавистью, а с завистью и уважением говорит о миллионерах, и за лишнюю сотню готов найти нужные принципы... И чего вы хотите от него? У него ребенок умер от истощения, брат болен сыпным тифом, жена слаба... [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 206].

Фактически, подчеркивал Д. Ю. Далин, интеллигент превращался во «всероссийского обывателя» — новый тип личности, становившийся продуктом революционной эпохи. В 1919–1920 гг. на авансцену выходили те, кого меньшевистский публицист назвал «новой буржуазией», — спекулянты, мешочники, подрядчики для нужд РККА и т. д. Эти люди, пройдя через разнообразные испытания, тоже находили себе место в новом обществе. Д. Ю. Далин очень ярко рисовал психологический портрет такого человека:

> Все эти люди с убогой жизнью в давнопрошедшем и с темными пятнами на недавнем прошлом... Они вчера только начали жить... Они не обучались ни в гимназиях, ни в университетах, но они хорошо знают четыре правила арифметики. Они — авантюристы большой руки... Они с презрением относятся к демократизму и демократии, ибо знают, что они за деньги могут все и всех купить [Там же, с. 203].

На последнее замечание нужно обратить особое внимание. Уже к 1919 г. наиболее проницательные лидеры меньшевиков осознали: новый советский человек не может стать базой для формирования демократической оппозиции. Ценностные установки «всероссийских обывателей» были совершенно не ориентированы на построение в России демократии западного типа. В январе 1919 г. видный меньшевик И. С. Астров (через три года он умрет от сыпного тифа в пересыльной тюрьме) с горечью заметил: «В народных массах нет подлинной тяги к народовластию» [Там же, с. 75].

Конечно, правые меньшевики обращали внимание на серьезное противоречие, которое существовало между упомянутыми выше ценностными установками «всероссийского обывателя» и декларируемыми большевиками принципами построения нового общества. Поэтому одесская газета «Грядущий день» предрекала, что рано или поздно «мужицкое, буржуазное бытие» России подчинит себе ее «пролетарское, коммунистическое сознание» — и тогда большевистский

режим рухнет [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 157]. Однако «за кадром» оставался вопрос о том, какой будет та Россия, во главе которой встанет в этом случае «новая буржуазия»? Насколько она будет соответствовать отстаиваемому меньшевиками демократическому идеалу?

К тому же большевики, естественно, не собирались упускать власть из своих рук. Тем более, что к концу Гражданской войны именно в руках государства находились основные экономические рычаги в Советской России. Система пайков становилась ключевым инструментом социального регулирования, именно она и определяла фактически возможности выживания для советского человека. Получаемые многими рабочими и служащими пайки становились главными источниками средств к существованию. Как отмечал в июне 1920 г. в одном из личных писем Ю. О. Мартов, только этот паек и позволял служащим «сводить концы с концами». При этом часть рабочих и служащих, а также «бывшие», не получавшие паек, «форменно голодали». Уже через три года после взятия власти большевиками налицо была реальная социальная поляризация советского общества, имевшая огромные масштабы. Партийная и государственная элита, по словам Ю. О. Мартова, «жировала». Он писал о существовании в голодной Советской республике санаториев, где «рис, масло, балыки, осетрина и икра — обычный предмет питания» [Там же, с. 538]. В таких условиях вести оппозиционную деятельность становилось еще труднее. У большевистского режима оказывался важнейший инструмент давления на советского человека — паек, лишение которого означало голод и нищету.

Условия жизни, система пайков вели к тому, что раскол проходил внутри российской интеллигенции, на которую традиционно было обращено внимание не только меньшевиков, но и других оппозиционных сил. Рядовой служащий, по словам видного меньшевика Р. А. Абрамовича, летом 1920 г. получал в месяц 2–4 тысячи рублей, в то время как фунт черного хлеба стоил 450 рублей, а пара сапог — 20 тысяч рублей! В этих условиях паек, конечно, становился единственной реальной гарантией выживания. При этом привилегированным группам бюрократии обеспечивалось благополучное существование при условии, что они «отказываются от своих политических убеждений». «Люди просто покупаются», — прямо указывал известный меньшевик. В этих условиях идеалом в новом советском обществе уже к концу Гражданской войны становился хороший специалист (инженер, врач и т. д.), который знает свою специальность и не вмешивается в политику. «Своего рода “политический евнух”», — зло заметил Р. А. Абрамович. В результате, по его словам, все должности и в государственных учреждениях, и в РККА оказывались заняты «беспринципными, коррумпированными, антисоциальными элементами, которым на все на свете, включая их работу, “наплевать”, и которые пекутся только о своем жаловании и о своих привилегиях» [Там же, с. 596].

Начало НЭПа еще более усилило эти тенденции в развитии советского общества. Уже осенью 1921 г. Ю. О. Мартов характеризовал возникавшее новое общество как «насквозь буржуазно-индивидуалистическое» [Меньшевики

в 1921–1922 гг., с. 365]. Очевидно, определенная доля преувеличения в этой оценке была, однако тенденция угадывалась достаточно четко. Кардинально изменились и социальный облик, и психологические установки того самого российского пролетариата, под лозунгом защиты интересов которого осуществлялась большевистская революция. Летом 1922 г. газета «Рабочий листок» (нелегальный орган Петроградской организации РСДРП) вопрошала:

> Где питерский рабочий, совершивший революцию? Его нет, нет даже и признаков, что он скоро будет... Вот самый промышленный рабочий — Выборгская сторона. Не видно дыма из заводских труб, не слышно стука машин и станков... Рабочий день доходит до 16 часов в сутки — 8 часов на заводе и 8 часов на стороне. После завода рабочие работают кто у кустаря, кто у себя дома, кто у нанимателя, на огородах и проч. Иначе не обойтись — на заводское жалование не проживешь, особенно с семьей [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 526].

Эта ситуация, как указывали находившиеся к этому времени в подполье остатки питерских социал-демократов, не могла не оказывать влияния на настроения рабочих. Произошло «физическое и нравственное вырождение» рабочего класса. Тот социальный слой, который еще за пять лет до этого рассматривался как гегемон общественного движения, уже в начале 1920-х гг. находился в состоянии глубокой апатии. «Собрание кончается так же бессловесно, как началось... Повсюду полнейший индифферентизм», – констатировали социал-демократы [Там же].

По мнению меньшевистских лидеров, говорить в этих условиях о пролетарском характере советского государства было невозможно. Проблема состояла в том, что объективное развитие социально-экономических процессов неизбежно вело к возвращению прежних, дореволюционных моделей взаимоотношений власти и рабочего класса. «Чем более будет усложняться народное хозяйство, — указывал Ю. О. Мартов, — чем более будет дифференцироваться общественная среда и более многообразными станут сталкивающиеся между собой социальные интересы — тем реже будут случаи, когда государственно-партийный аппарат сможет односторонне и энергично защищать интересы наемных рабочих против интересов других групп, тем чаще ему придется выступать не в роли «печальника» пролетариата, а в роли регулятора, примирителя, посредника, а подчас и в роли усмирителя пролетариев» [Там же, с. 430]. Отмеченные выше процессы в среде новой советской элиты, усиление тенденций ее коррумпированности неминуемо вели к утрате всякой внутренней связи между представителями бюрократии и теми социальными группами, из которых они вышли.

Дальнейшее развитие советского общества полностью подтвердило этот прогноз лидеров российской социал-демократии. Даже оказавшись в эмиграции, меньшевистские лидеры не переставали внимательно следить за процессами, протекавшими внутри советского общества. В 1930–1950-е гг. они фиксировали, как постепенно люди свыкались с мыслью о неизбежности репрессий, уже без удивления встречали известия о громких «делах», открытых против видных

партийных и государственных руководителей. «Приучены» – так напишет об этом сестра Ю. О. Мартова Л. О. Дан [HIA, Boris I, Nicolaevsky collection, Ser. 248, Box 477, Folder 8, Л. О. Дан — Б. И. Николаевскому, 06.07.1957]. Известный меньшевистский историк Б. И. Николаевский полагал, что эволюция советского общества привела к тому, что и «быт был загнан фактически в казарменный уклад военных поселений» [Ibid., Box 476, Folder 24, Б. И. Николаевский — Д. И. Чижевскому, 21.12.1957]. При этом он отмечал, что постепенно возраставший разрыв в уровне жизни между простым народом и привилегированной частью интеллигенции (власть «прикармливала» «инженеров душ» [Ibid., Box 480, Folder 6, Б. И. Николаевский — Е. И. Гаранину, 13.10.1964]) создавал атмосферу напряженности внутри общества. Но прежде всего меньшевики подчеркивали: многие из этих тенденций просматривались уже в 1917–1922 гг. Уже в первые годы после взятия власти большевиками начинали формироваться контуры нового советского человека.

Поэтому, думается, все-таки не совсем прав был представитель более молодого поколения меньшевиков Б. М. Сапир, отмечавший консерватизм мышления старых русских социал-демократов, которых отличал «подход к событиям в Советском Союзе с традиционной точки зрения, вернее, с точки зрения того, что считалось марксизмом в XIX в. Механизм борьбы различных сил в государстве втискивался в логичные формулы, в т. н. законы развития. Последние доказывали неизбежность роста сил пролетариата и конечной его победы» [Сапир, с. 6]. Как показывает проведенный нами анализ творческого наследия меньшевистских лидеров, тот факт, что в принципиально новых условиях эти закономерности не работали, а политическое сознание пролетариата находилось под жестким контролем господствующей идеологии, стало ясно меньшевикам довольно рано, уже в первые годы Советской власти.

Источники

Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2 : От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 1997.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1918 году / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 1999.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 2000.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1921–1922 гг. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 2002.

HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 476. Folder 24; Box 477. Folder 8; Box 480. Folder 6.

Исследования

Краус Т. Советский термидор. 1917–1928. Будапешт : Венг. ин-т русистики, 1997.

Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М. : Мысль, 1984.

Подболотов П. А., Спирин Л. М. Крах меньшевизма в Советской России. Л. : Лениздат, 1988.

Сапир Б. Проблемы русского социализма // Против течения. Нью-Йорк, 1952. Сб. 1. С. 4–6.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 1994.

Liebich A. From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921. Cambridge, Mas. : Harvard Univ. Press, 1997.

The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War / ed. by L. Haimson. Chicago : Chicago Univ. Press, 1974.

Статья поступила в редакцию 13.06.2017

Антошин Алексей Валерьевич
доктор исторических наук, профессор
кафедры востоковедения
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Antoshin, Alexey Valeryevich
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Oriental Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620083 Yekaterinburg, Russia
Email: alex_antoshin@mail.ru

THE ORIGINS OF THE SOVIET PERSON: THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF OCTOBER 1917 AS PERCEIVED BY MENSHEVIK SOCIAL DEMOCRATS

This article is devoted to the ideological heritage of post-October Menshevism. The author aims to analyse the perception of social processes in Soviet Russia between 1917 and 1922 by Menshevik social democrats. The methodological approaches of this article are based on the principles of new social history. The analysis relies on the materials of a multi-volume series of documents on the history of Menshevism published by the International Working Group of scholars headed by Ziva Galili and Albert Nenarokov between the 1990s and 2000s. The author also uses some personal letters of Mensheviks deposited at the Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Stanford, USA). Referring to the research carried out, the author concludes that it was the Mensheviks who were among the first to write about the specific characteristics of the society that emerged in Soviet Russia. Their personal letters and articles contained deep analyses of social transformations taking place among Russian workers and intellectuals, as well as the values and psychological attitudes of these social groups. Menshevik social democrats described the formation of a new Soviet person, and their specific psychology. As early as by the beginning of the 1920s, the Mensheviks had concluded that it would be very difficult for the democratic opposition to organise propaganda activity in the new Soviet society.

K e y w o r d s: Mensheviks; October 1917; Soviet society; proletariat; Soviet person.

Acknowledgements

The research is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) "'Homo soveticus' as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries".

Brovkin, V. (1994). *Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Feldman, M. A. (2001). *Rabochie krupnoy promyshlennosti Urala v 1914–1941 godah* [Workers of Ural Large-scale Industry between 1914 and 1941]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Haimson, L. (Ed.). (1974). *The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War*. Chicago: Chicago University Press.

Krausz, T. (1997). *Sovetsky termidor. 1917–1928* [Soviet Thermidor. 1917–1928]. Budapest: Vengersky institut rusistiki. (In Russian)

Liebich, A. (1997). *From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921*. Cambridge, Mas.: Harvard University Press.

Minz, I. I. (Ed.). (1984). *Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii* [Russian Non-proletarian Parties: A Lesson of History]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Podbolotov, P. A., & Spirin, L. M. (1988). *Krah menshevisma v Sovetskoy Rossii* [The Collapse of Menshevism in Soviet Russia]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)

Sapir, B. M. (1952). Problemy russkogo socializma [The Problems of Russian Socialism]. *Protiv techenija*, *1*, 4–6. (In Russian)

Received on 13 June, 2017